

П.С. Гуревич

РЕЛЯТИВИЗМ КАК КОГНИТИВНАЯ ХВОРЬ (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ)

Аннотация. Предмет исследования – размышления вокруг книги «Релятивизм как болезнь современной философии» (Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2015). Почему релятивизм как один из методологических принципов познания оценивается в книге как болезнь современной философии? Разве мы не сталкиваемся с постоянным ускользанием единой истины, которую замещает пышное разнотравье разнообразных мнений? Неужели мы, вопреки И. Канту, убеждены в безграничности и литургической стройности человеческого познания? Концепция книги не направлена против когнитивных сомнений, не оспаривает возможных допущений плюральности истины. Она обнаруживает свою неоспоримость в той мере, в какой релятивизм становится едва ли не господствующим методологическим правилом. Именно в этом смысле К. Поппер назвал релятивизм «главной болезнью нашего времени». Относительно ли знание (и/или истина), зависит ли оно от времени, места, общества, культуры, исторической эпохи, концептуального каркаса? Или оно абсолютно, универсально и независимо? Эти и подобные им вопросы также стары, как и философия, и характеризуют они противоборствующие доктрины – релятивизм и абсолютизм. Используются стандартные методы научного исследования, в том числе метод сравнительного анализа. Речь идёт о традиционных проблемах теории познания – природе рациональности, понимании возможностей познания и изменения мира.

Новизна исследования связана с анализом критических подходов к современному релятивизму. В книге делается попытка выявить основания релятивизма и его ущербность на практике. Специально изучаются релятивистские тенденции в современной эпистемологии и философии науки, а также в науках о человеке: психологии, культурологии, исторической науке. При этом авторы различают релятивизм и скептицизм: показано, что плюрализм может плодотворно практиковаться как раз в том случае, если понят в антирелятивистском ключе. Релятивизм, как и редукционизм, претендует на роль единственного методологического принципа, способного дать жизнь современной философии в его поисках новейших оснований познания.

Ключевые слова: философия, наука, релятивизм, истина, информация, дезинформация, эксперимент, иллюзии, когнитивизм, науки о человеке.

Abstract. The subject of study is reflection over the book «Relativism kak bolezn' sovremennoy filosofii [Relativism as a malady of modern philosophy]» (Ed.-in-chief V.A. Lektorskiy. M., 2015). Why is relativism as one of methodological principles of knowledge assessed in the book as a malady of modern philosophy? Do we not see a constant escape of the single truth replaced by the luxuriant meadow of diverse opinions? Are we, contrary to Kant, convinced in the limitlessness and liturgical harmony of human knowledge? The conception of the book is not directed against cognitive doubts, does not dispute possible assumptions of the plurality of truth. It shows its indisputability to the extent that relativism becomes hardly ever the dominating methodological rule. It is in this sense that K. Popper called relativism «the main malady of our time». Is knowledge (and/or truth) relative, does it depend on time, place, society, culture, historical epoch, conceptual frame? Or is it absolute, universal and independent? These and similar questions are as old as philosophy and characterize the opposing doctrines – relativism and absolutism. Standard methods of scientific research are used, including the method of comparative analysis, referring to traditional problems of epistemology – the nature of rationality, understanding the possibilities of knowledge and changing of the world. The novelty of the work is related to analysis of critical approaches to modern relativism. The book attempts at finding the foundations of relativism and its practical shortcomings. Relativistic tendencies in modern epistemology and philosophy of science and also in sciences of man, psychology, cultural and historical science are examined. The authors distinguish between relativism and scepticism: they show that pluralism can fruitfully be practiced exactly if it is interpreted in the antirelativistic clue. Relativism, as reductionism, claims to be the only methodological principle capable of giving birth to modern philosophy in its search of new foundations of knowledge.

Key words: philosophy, science, relativism, truth, information, disinformation, experiment, illusions, cognitivism, sciences of man.

Рецензия на книгу: **Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.: ил.**

О Канте и релятивизме

Наука, щедро одарив человечество своими достижениями, словно изнемогла под тяжестью собственных прозрений. Подчинив себе природу, она в то же время усомнилась в присущих ей основаниях. Поток ошеломляющих и разнородных научных открытий породил неуверенность в достоверности, казалось бы, бесспорных откровений. Классический вопрос, что есть истина, вызвал желание вообще отказаться от её признания. В ряде концепций теории познания возникло убеждение, будто истина множественна, рождается в процессе субъективных оценок и исключает сведение её к безоговорочному единству.

По первому впечатлению, релятивизм, как говорится, смотрит изо всех окон. Мы уже давно привыкли к тому, что исследователи нередко предлагают нам набор концепций, которые по определению исключают друг друга. В частности, учёные доказывают, что человечество ждёт аномальное потепление. С не меньшей убедительностью проводится мысль о том, что грядёт тотальное оледенение. Поток разнородных научных открытий, не выстроенных в парадигмальную стройность, рождает множество концепций, предположений и гипотез. Психологи и генетики называют любовь психическим расстройством и болезнью, и в то же время пытаются отнести её к вершинным состояниям духа. В этих рассогласованиях можно видеть не только столкновение научных школ или мнений. Формируются различные ментальные и языковые коды. Внедрение новых информационных технологий подрывает изнутри традиционный локус коммуникации. Рождаются новые поведенческие установки. Преображается сам статус знаний как базиса нормативных оснований. Сегодня тематизируется проблема различия между научным и нарративным знанием, то есть знанием доказательным и знанием в форме рассказа (Ж.-Ф. Лиотар) [1].

«Тотальная» вовлечённость индивида в мир сетевых технологий связана с возникновением опасности, когда пользователь не успевает за потоком информации, начинает бездумно «хватать» избыточные знания, стремительно рассеивающиеся по

поверхности интерфейсов. Такая коммуникативная ситуация, когда «тишина изгнана с экранов» (Ж. Бодрийяр) требует безостановочного темпа, что минимизирует возможности рефлексии. Процесс осмысления содержания информации, по сути, блокируется непрерывной процедурой вопросов / ответов. Скорость их постановки не способствует вдумчивому осмыслению, заставляет заниматься «дешифровкой» текста и безостановочно двигаться по гиперссылкам. Таким образом, цикл смыслообразования сокращается в сознании индивида до размеров «вопрос / ответ», до «реактуализации одних и тех же образов информации» [2, с. 14].

Стремительно крутится колесо парадоксов и немислимых догадок. В.А. Лекторский справедливо подчёркивает, что известное отстранение от фундаментальной науки в сторону прикладных технологий также подталкивает мысль к убеждению, будто мир можно конструировать и реконструировать, предлагая всевозможные сценарии. «Виртуальная реальность» стала столь неодолимой, что потеснила подлинную жизнь. Нет ли резона рассматривать в этом контексте релятивизм как дрящееся размывание знания?

Процесс глобализации вызвал столкновение самых различных стилей жизни, менталитетов, бытовых укладов. Возник вопрос, как мыслит та или иная культура? Родилось даже предположение о множестве интеллектов, несводимых друг к другу способов ментальной активности. «По итогам исследования Л.Л. Тернстоун сделал вывод, который, как ему казалось, подтверждает существование нескольких видов интеллекта вместо какого-то единого общего его вида. Однако позже он был сформулирован более мягко и систематизирован в иерархический подход к когнитивным способностям и их исследованиям. Он представлен как иерархическая структура когнитивных способностей и предполагает положение о том, что природа когнитивных способностей неоднородна – их можно разделить на общие и специализированные» [3, с. 35].

Как в такой ситуации утверждать сводимость мнений к окончательной истине? Разговоры о демократии, да и сама социальная практика легализуют такие нравы, которые показались бы кощунственными в прежние столетия. Вековые святыни предлагают свою изнанку и сами оказываются «перевёртышами». Так закрепляется феномен всеобщей релятивизации. Едва ли не каждый автор данной книги приводит собственные иллюстрации многообразного увязания в релятивизме.

Однако всегда ли релятивизм – это плохо? Данный вопрос взят из статьи известного специалиста Е.А. Мамчур «Моделирование развития культуры и релятивизм». Смысл рассуждений Елены Аркадьевны сводится к тому, что релятивизм в науке и морали, как правило, оценивается негативно. Но есть сферы человеческой активности, где релятивизм может приветствоваться. Здесь сразу множатся вопросы. Статья Д.И. Дубровского в этом же труде, по сути дела, обосновывает релятивизм в морали. И сразу скажем: здесь релятивизм – тоже не всегда плохо. Рассуждения о нравственности А. Шопенгауэра, хотя и пронизаны релятивизмом, обеспечили радикальный поворот в этике. Немецкий философ предвосхищает экзистенциальную логику. Разве возможно в конкретных жизненных ситуациях укрыться за общим моральным императивом? Преступник расстреливает жертвы, а устранить его нельзя: «не убий!». Таким образом, нравственный человек не может уклониться от поступка, укрываясь отвлеченной максимой. Он сам в реальном контексте жизни обязан взять на себя ответственность за собственное решение.

Е.А. Мамчур полагает, что идея многообразия культурного развития – продуктивная релятивистская концепция. Здесь всё же не обойтись без уточнений. Мне думается, что признание равноценности культур и форм мышления – отнюдь не релятивистский тезис. И в науке, и в морали практикуется обозначение множества «голосов», вариантов. Разумеется, путешествия в экзотические страны, попытка понять другие миры рождают сложные философские проблемы. Действительно ли другие цивилизации чужеродны? Ещё точнее: как разгадать эту чужеродность? И тотчас же рождается философское остережение. Не станет ли поиск экзотики в иной культуре искажением её мира, принуждением её к экстравагантной непостижимости?

Исследователи ищут не различия и неразличимость культур, а внешнее несходство, которое обозначается в странных обычаях, чертах быта, манере поведения. Изучение других цивилизаций подменяется поиском чего-нибудь колоритного, фантастического, всего, что может представить шок вечных контрастов.

Но такой подход к изучению иных миров затрудняет партнерство цивилизаций. На передний план выходит вечная беспощадная чужеродность нравов, лиц, языков. У экзотики свои приёмы. Она порождает особый код восприятия, внешний, поверхностный. Экзотика углубляет интенсивность

восприятия, порождает экзальтацию, уводит в сторону от серьёзного постижения цивилизационных сущностных особенностей. Мы сталкиваемся с культурами, которые живут в преклонении перед звездами, судьбой. Но нам всё труднее проникнуть в ядро культурного космоса.

И всё же это ещё не релятивизм. Когда Ж. Баттай или М. Энаф [4] анализируют принципиальную необычность традиционного общества, особый строй мышления и парадоксальность обычаев – это тоже ещё не релятивизм. Когда приверженцы ислама настаивают на особой логике собственной культуры – это тоже ещё не релятивизм. Иначе говоря, известная строка из Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток» не является выражением релятивизма. А вот продолжение этой фразы «И им не сойтись никогда» – релятивизм чистой воды. Культурология – это наука о множественности культур и об общих процессах культурно-исторического развития.

В философии культуры есть опасность предельно широкой трактовки релятивизма. В этом случае любое обозначение самобытной сущности культуры оказывается отступлением от осмысления общечеловеческого культурного идеала. В этом смысле феномен рациональности, архетипы К.-Г. Юнга или общие законы языка – действительно противостоят релятивизму, который настаивает на принципиальной несводимости различий. О. Шпенглер утверждает, что судьбы культур различны и внутренне несопоставимы. Это, разумеется, релятивистская идея. В то же время формулирование общих законов культурного процесса (зарождение, развитие, цветение, угасание и гибель), согласно Шпенглеру, – отступление от релятивизма.

Ж. Бодрийяр, скажем, настаивает на том, что радикальное отличие одновременно и неуловимо и неустранимо. «Истинное знание – это знание того, что мы никогда не поймем в Другом того, что, существуя в этом Другом, вынуждает его перестать быть самим собой. Более невозможно ни отделить Другого от самого себя, ни отстранить взглядом, ни утвердить в его идентичности или различии [4, с. 217-218].

В своё время Ж. Лакан показал, что сам язык порождает множество порой причудливых, но абсолютно органичных для другой культуры способов мышления. Вслед за Соссюром, который подчинил мышление языку, Лакан утверждал приоритет языка по отношению к бессознательному. Он также считал, что бессознательное организовано как

язык. Но проблема, пожалуй, не только в этом. При изучении особенностей иного цивилизационного уклада исследователи обычно каталогизируют культурные особенности, но крайне редко задумываются над тем, чтобы приблизиться к тайне различия. Этническое и иное своеобразие выводится обычно из секретов хозяйственной жизни или из социального уклада.

Исследование показывает, что существует множество релятивизмов. Речь идет не только о специфических концептуальных моделях, но и о своеобразии проявления релятивизма в разных сферах общественного сознания – морали, науки, политики, культуры, эстетики. Свою статью Е.А. Мамчур посвящает обнаружению релятивизма в моделировании развития культуры. Она при этом подчёркивает, что многое в содержании культуры действительно релятивно, но это ещё не означает релятивизма [5, с. 202].

Итак, участники данного исследования пишут о разном и по-разному. Ответственный редактор, судя по всему, даже не пытается «выравнивать» изложение, подчинять его какой-то жёсткой конструкции. И это в высшей степени похвально. Общая же концепция труда, как мне кажется, сводится к тому, что классическая теория познания не справилась с множеством новых исторических, социальных и когнитивных ситуаций. Но это вовсе не означает, будто релятивизм в современной философии утвердился окончательно. Он вошел в моду, вскрыл определённые эвристические возможности. Но при этом заслуживает острой разносторонней экспертизы. Задача рецензируемого исследования – показать основания мощной релятивистской тенденции.

Вряд ли стоит кошмарить релятивизм, представлять его чем-то вроде стригущего лишая. Мне кажется, что мой полемичный и образованный друг Д.И. Дубровский, написавший в данной книге главу «Относительное и абсолютное. К проблеме концептуального осмысления релятивизма», прав, критикуя Л.А. Микешину по существу за то, что она отнесла релятивизм к одному из концептуальных оснований социальной эпистемологии [6, с. 54-55]. Разумеется, она могла бы соотнести релятивизм со всей эпистемологией. Но в чём криминальность суждения Л.А. Микешиной, которая полагает, что релятивизм тоже может быть абсолютизирован и требует как положительной, так и отрицательной оценки?

К сожалению, проштудировав эту главу, я так и не понял, какова же позиция самого автора. От-

метим, что статья Д.И. Дубровского полемична. Он прямо называет сторонников так называемого «безразмерного» релятивизма: П. Фейерабенда, ряд представителей западной «социальной эпистемологии», таких, как Б. Барнс, Д. Блур и др. Д.И. Дубровский правомерно отмечает, что релятивность – неотъемлемый феномен познавательной и практической деятельности человека, ценностно-смысловой структуры его сознания. Он настаивает на том, что интерес для философа представляет то, что находится «между ними», то есть между радикальным релятивизмом и догматизмом.

Есть и другая оппозиция – абсолютное и относительное.

И всё же сам автор выступает то в роли отчаянного релятивиста, то, напротив, в позиции радикального абсолютивиста. Получается, что его оппоненты всё время чего-то «недооценивают». Постмодернисты, к примеру, плохи тем, что они не имеют стойких оснований, а Кант ущербен тем, что он как раз эти основания отстаивает. Стоит ли упрекать Жака Деррида за то, что он постоянно меняет собственные основания, если это принцип постмодернистского мышления? Ж. Лакан тоже обладал такой же переменчивостью, выискивая новые эвристические возможности такой плюральности, но при этом остался крупным философом нашего времени. Я, пожалуй, согласился бы с моим другом, если бы он при этом оставался приверженцем классической философской эпистемологии. Но он и её подвергает серьёзной критике.

Вообще стоит ли раскрывать том И. Канта для того, чтобы упрекнуть философа, будто он мог бы предложить выдачу эсэсовцам еврейского ребёнка, спрятанного героической женщиной? Неужели великий моралист вошел в историю философии только с подобной «подлянкой»? Странные расчёты с классикой! Неужели непонятно, что Кант пытается отыскать общие основоположения морали, устойчивые истины, которые могли бы помочь справиться с, казалось бы, непровержимым шествием относительных моральных установлений. Кант вряд ли мог предвидеть те исторические ситуации, которые невозможно разрешить с помощью предустановленных моральных максим. Должен ли отец убить своего сына, который оказался предателем? Можно ли казнить короля, если он оказался плохим правителем? Допустимо ли уничтожить мирное население ради лучезарной общей победы?

Относительность морали, конечно, не означает её крушения, но в предельном варианте, когда

фундаментальные основы этики устраняются, мы как раз и имеем дело с самым радикальным релятивизмом. Дискуссия вокруг работы Канта выявила разные позиции, но Д.И. Дубровский отстаивает ту, к которой примыкает он сам. Такая установка была бы правомерной, если бы этика Канта сводилась только к этой работе. Немецкий философ прекрасно понимал относительность нравственных установок, но он делал иную попытку отыскать всё-таки некие основоположения морали. И это и есть его вклад в критику релятивизма.

Приведу в качестве иллюстрации такой пример. В давнем югославском фильме немецкие конвоиры ведут на расстрел пленённых солдат. За ними бежит старик, отец двух обречённых. Он просит отпустить их, не убивать. Конвоиры предлагают ему самому выбрать, кого из двух сыновей он хотел бы спасти. На протяжении всего фильма отец бежит за колонной и не может отвести смерть для одного сына. С точки зрения релятивистской установки, можно даже помыслить, что в этой нестандартной ситуации конвоиры поступают почти гуманно. Они же готовы оставить жизнь одному из сыновей.

Почему же отец отказывается от «услуги»? Потому что ради «гуманности» он сам стал бы палачом, как и немцы. Прагматическому расчёту он предпочёл устойчивую моральную норму.

Д.И. Дубровский, вспоминая недавние споры в Институте философии РАН по поводу работы И. Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия», пишет: «Большинство участников дискуссии убедительно показали, что абсолютистский тезис Канта ведёт к неразрешимым парадоксам» [6, с. 50]. Означает ли это, что относительность в этике от разного рода парадоксов вполне свободна? Разумеется, нет. Разве не очевидно, что именно отречение от кантовских попыток доказать правомочность общих основоположений морали привело к экспансии релятивизма? Кто же об этом пишет? Мой друг Д.И. Дубровский: «Твердая почва под ногами, которую человек чувствовал в своей повседневной жизни ещё в середине прошлого века, превращается в зыбучую среду неопределённости и проблемности» [6, с. 41]. Право, где же тот окоп, из которого мы стреляем?

Предположим, мы оказались настоящими приверженцами морального релятивизма. Мы пытаемся внести нравственную ясность в конкретную историческую ситуацию, мобилизуем этическое знание к толкованию своеобычности этого момен-

та. Но рано или поздно мы невольно задумаемся о некоторых общих критериях, которые оказываются продуктивными для моральной рефлексии. И тогда мы вновь обратимся к Канту.

Неужели концептуальное осмысление релятивизма сводится к давнему истматовскому правилу: «Нельзя соединять, но нельзя и разъединять»? Вероятно, сходные мысли излагает и Г.Д. Левин, который уже в другой полемике пишет: «Как мне это до боли напоминает хрестоматийное понимание диалектики как науки о всеобщей связи и развитии. Но если диалектика и релятивизм – одно и то же, то в чём смысл замены одного термина другим? А если это всё-таки разные концепции, то в чём состоит их разница?» [7, с. 80].

О так называемом постмодернистском релятивизме

Будет, вероятно, преувеличением сказать, что современная философия успешно преодолевает релятивистскую установку. Более того, она успешно осваивает её и даже оценивает как более адекватно отражающую ситуацию в теории познания. Так, постмодернисты считают, что единственной и предельной предметностью обладает только текст. Он-то как раз и наделён множеством смыслов. При этом текст рассматривается как самодостаточная реальность. Оспаривается любое соотнесение с внеязыковой подлинностью.

Размышляя о процессах человеческого познания, М. Фуко по сути дела свёл истину к эффекту. Но каким образом рождается этот эффект? Речь идёт лишь о «воле к истине». Он инспирируется процедурой фальсификации. Однако само это устремление обнаруживает себя в принуждении, то есть в навязывании определённых представлений. Таким образом, проблема истины замещается вопросом о формах дискурсивных практик, артикулирующих знание. Классическая постановка вопроса об истине имела не только когнитивный, но и аксиологический аспект. Но новейшая модель оценивает истину только социально-операционально. Фуко сформулировал тезис, который лежит в основании всех постмодернистских рефлексий. Стало быть, истина принадлежит этому миру. В нём она воспроизводится при помощи многочисленных принуждений, располагая при этом солидными эффектами власти.

О постмодернистском понимании релятивизма обстоятельно и серьёзно пишет в рецензи-

руемом труде Н.С. Автономова. Она показывает неправомочность нехитрой логики: Деррида – постмодернист, а значит релятивист, и далее следуют обвинения во всех моральных и гносеологических грехах [8, с. 265]. Нет оснований приписывать постмодернистам тотальное разрушение основ культуры и познания. Неправомочна и демонизация постмодернизма. А главное в рассуждениях Н.С. Автономовой: сам Ж. Деррида никогда не считал себя ни постмодернистом, ни релятивистом [8, с. 266]. Само понятие «релятивизм» несёт на себе большую нагрузку – не только концептуальную, но и эмоциональную. «Для Деррида, – пишет Н.С. Автономова, – не безразличен вопрос о том, что же позволяет философии, которая остается в каждый момент продуктом развития данного конкретного общества достигать измерения всеобщности и универсальности» [8, с. 270].

Постмодернисты, как показано в главе Н.С. Автономовой, занимаются возможной концептуализацией особых форм опыта. При этом «структурная открытость» позволяет сопрягаться формальному, экзистенциальному, онтологическому. Н.С. Автономова пишет: «Мы видим, что проблема релятивизма не замкнута: способы её постановки (обострение или, наоборот, размывание) становятся лакмусовой бумажкой для характеристики определённой ситуации в обществе, науке и культуре – ситуации вполне объективной и не определяемой чьей-то злой или доброй волей. Эта ситуация требует от человека одновременно и большей смелости (не бояться неожиданного) и большей мудрости (являть терпение и толерантность) [8, с. 298].

В историческом ракурсе

Едва ли не все участники исследования анализируют исторические версии релятивизма. Они подчёркивают, что абсолютизм первичен и логически, и исторически. Г.Д. Левин пишет: «Действительное решение парадокса Гераклита осуществляется за счет того, что выявляется и устраняется общая методологическая основа дискутирующих сторон, в данном случае абсолютизма Аристотеля и релятивизма Гераклита» [7, с. 82]. Сам же Г.Д. Левин стремится найти ошибку, которая лежит в основе и абсолютизма Аристотеля, и релятивизма Гераклита и Протагора. В статье речь идет также об афоризме, который Э. Гуссерль называет «формулой Протагора».

Прежде чем анализировать современные

взгляды на эти проблемы, целесообразно обратиться к истории. Одним из первых защитников релятивизма был Протагор. Платон в диалоге «Тезетет» вкладывает в уста Протагора утверждение о том, что человек – мера всех вещей и что всякая вещь для меня такова, какой я её представляю. Если кому-то что-то кажется, то это и есть истина. В.А. Лекторский пишет: «Согласно этой позиции, у каждого своя истина. Уже в античности была обнаружена противоречивость такого рода высказываний, которые опровергают сами себя. Тезис о том, что у каждого своя истина, претендует на общезначимость. То есть согласие с этим тезисом означает, что есть по крайней мере одна истина, которая не у каждого своя, а общая для всех: это истина о том, что у каждого своя истина. Но если есть общезначимые истины, тогда почему мы должны останавливаться на признании только одной этой? Почему не могут быть общезначимыми и другие высказывания? Но тогда получается, что неверно само утверждение о том, что у каждого своя истина» [10, с. 10].

Интерес представляют аргументы Сократа против релятивизма, показывающие его противоречивость. Чтобы проанализировать их, необходимо реконструировать релятивизм в современных терминах (что представит собой обобщение доктрины Протагора). Пусть для всякого требования к знанию P этому P может быть приписано значение только на основании некоторого множества принципов и стандартов. Пусть существует некоторое другое множество стандартов. Тогда не существует «нейтрального» способа выбора множества стандартов. Утверждать истинность P можно лишь относительно стандартов, использованных в оценке P (принцип эпистемического релятивизма (ЭР)).

В терминах ЭР аргумент Сократа реконструируется следующим образом: 1) ЭР может быть оценен лишь на основании стандартов, если существует альтернативное множество, то невозможно выбрать между альтернативными оценками ЭР. Тогда, если ЭР истинно, то может существовать такое множество, относительно которого ЭР будет ложно; 2) Если ЭР рационально проверяем, то должны существовать безотносительные основания этой проверки. Но ЭР отрицает существование таких оснований, следовательно, ЭР непоследователен. Тогда, если ЭР истинен, то он не проверяем рационально и, значит, ложен. Вопросы по поводу когнитивного релятивизма, которые возникали в античности, рассмотрены в статье И. Нийнлуото

«Критические замечания о когнитивном релятивизме» [9, с. 324].

Важно, разумеется, обозначить и границы релятивизма, особенно в науках о человеке, как это сделано в статье В.А. Лекторского «Релятивизм и плюрализм в современной культуре» [10]. Не является релятивистским, допустим, представление о разных версиях антропогенеза: эволюционно-трудо-вой, психоаналитической, символической или игровой. В философии приветствуется множество концепций, связанных с одной проблемой. Не обладает этим статусом и утверждение, что происхождение человека до сих пор остается тайной. В этом высказывании содержится мысль о том, что данная тайна, удостоверенная, например, М. Шелером или К. Ясперсом, со временем может оказаться разгаданной. Собственно релятивистской оказывается установка, согласно которой все версии антропогенеза обладают одинаковой когнитивной ценностью, имеют вечное право на существование в философской антропологии. Релятивизм по сути дела снимает с повестки дня сам вопрос о том, что такое человек и как он возвысился над природным царством. Получается, что все версии антропогенеза имеют право на существование и ни одна из них не будет отброшена в процессе развития философской антропологии.

Классическая философия полагала человека особым родом сущего. Она не усматривала аналогов человеку в природном царстве. Соответственно, отмечалось, что бытие человека отличается от существования животного. В постмодернизме укрепилась другая мысль: никакой разницы между человеком и животным нет. Социобиологи, выявив связь агрессивного поведения с биологическими компонентами, не могут ответить на основные вопросы, интересующие социологов: какие агрессивные действия имеют биохимические (генетические) основания, как действуют эти биохимические факторы, какую роль играет социальная среда для их проявления.

Современные данные не позволяют утверждать, что агрессивное поведение и индивидов детерминировано генами или биологическими факторами. В то же время имеются убедительные доказательства чрезвычайной роли навыков и социальной среды. Исследования биологических аспектов социального поведения показывают, что генетические и биохимические факторы устанавливают общие параметры вариация поведения. Социобиологический анализ направлен на объяс-

нение специфического поведения, огромных его вариантов в различных культурах и исторических эпохах. Учитывая, что биохимические и генетические факторы являются лишь своего рода «подмостками», что именно культура и история дают сценарии социальной жизни, следует отдать пальму первенства биосоциологии, акцентирующей внимание на социологии, а не социобиологии, которая базируется на биологии.

Сама эта проблема существует в философии во множестве вариантов. Это свидетельствует о многообразии подходов к данной теме, что отнюдь не парадоксально для философии. В частности, К. Ясперс считал, что в соматическом плане, то есть с точки зрения анатомии, физиологии, фармакологии, патологической анатомии и терапии, человек не отличается от животного [11, с. 31]. Однако немецкий философ в то же время подчёркивал, что в психопатологии проблема «человеческого» наличествует всегда: ведь любая психическая болезнь вовлекает в процесс своего развития как дух, так и душу человека. Стало быть, согласно Ясперсу, потомка Адама можно рассматривать и как животное, и как человека. Но немецкий философ не считал, что эти две позиции равноправны, что вообще не имеет значения, считать ли человека животным или особым родом сущего. Релятивизм же, следовательно, упрощает обе позиции, следуя тезису П. Фейерабенда: «всё годится» (Anything goes). В.А. Лекторский поэтому отмечает, что выводы, согласно которым человек творит реальность, в которой живёт и которую познаёт, и может делать это каким угодно способом, – это законченный и последовательный релятивизм.

Некоторые философы, (например Г. Браун, Д. Мейланд), пытались защитить релятивизм от обвинений. Однако эта защита имеет недостатки. Так, Г. Браун в своей аргументации подменяет абсолютизм фундаментализмом, а релятивизм – фаллибилизмом. Соответственно и рассматриваемая им проблема существенно отличается от обсуждаемой. Д. Мейланд более последователен. Суть его концепции состоит в трактовке абсолютной истинности как двухместного отношения, определённого на множестве суждений о фактах, и относительной истинности – как трехместного отношения между фактами, суждениями и миром (М). Однако ему так и не удастся независимым образом определять выражения типа «Р истинно для М». Но даже если бы это удалось, релятивизм как непротиворечивая относительно истины концепция оставался

бы подтверждённым парадоксом, так как понятие относительной истинности не даёт оснований для выбора из двух соперничающих суждений.

Существуют концепции релятивизма, не связанные с теорией относительной истины. Примером может служить концепция Х. Филда, в которой релятивизм трактуется непротиворечивым образом «как релятивизм оценок, а не фактов». Принимая фактуальную истинность, Филд рассматривал верификацию некоего утверждения В относительно оценочной системы Е. Существенным для критики этой концепции является вопрос: могут ли противоречащие оценочные системы сами быть нетривиально оценены? Если да, то это сводит релятивизм Филда к абсолютизму. В противном случае все утверждения будут верифицируемы относительно некоторой системы Е, и, значит, оценка становится тривиальной. От этой критики не спасает и проводимое Филдом различие между оценками и предпочтением.

Мне кажется, что примером критики релятивизма может служить позиция И. Канта, который отмечал, обосновывая понятие трансцендентального, многообразия восприятия окружающего мира. Вот как характеризует позицию Канта Э.Ю. Соловьев: «Один человек видит мир многоцветным, другой (дальтоник) двухцветным, третий (больной желтухой) как окрашенный в жёлтый цвет. Однако все они, независимо от состава их ощущений, воспринимают являющуюся им реальность в качестве мира предметов, размещённых в трёхмерном евклидовом пространстве» [12, с. 26].

В статье В.А. Лекторского рассматриваются разные проблемы интересующей нас темы – релятивизм и диалог, культурное разнообразие и мультикультурализм и др. Хочу добавить некоторый комментарий к примеру, который он приводит. Касаясь темы – события и того же «не было», Владислав Александрович рассказывает о том, что несколько десятков человек, страдающих психическим раздвоением личности, утверждали, что отцы приставали к детям с сексуальными домогательствами. Но родители доказали, что ничего этого не было. На самом деле, конечно, этот факт не позволяет трактовать его в духе релятивизма: «можно считать, что было, а можно что и не было». Для такой установки нет оснований, поскольку уже З. Фрейд показал, каковы причины такого заблуждения у мнимых жертв. Они сами испытывали сексуальное влечение к отцу, которое и предстало в их воспоминаниях как реальное событие. Домо-

гательства не было, но оно было фантазией детей.

Одним из этапов в развитии эпистемического релятивизма был релятивизм концептуальных каркасов – доктрина, утверждающая, что эпистемическая верификация базируется в определённом смысле на схемах и каркасах, так что познающий субъект не может выйти за рамки, ограничивающие возможным круг утверждений, которые субъект способен трактовать как истинные.

Разоблачая «миф концептуального каркаса», К. Поппер пишет, что несмотря на то, что наша познавательная активность есть функция соответствующего концептуального каркаса и мы находимся «в каркасах наших теорий, опыта и языка», тем не менее всегда возможно изучение этих каркасов, освобождение от их плена. Однако доводы К. Поппера недостаточно полны и строги.

Аргументация Д. Давидсона представляется более последовательной. В то время как К. Поппер вообще отвергает релятивизм как ложную доктрину, Д. Дэвидсон утверждает, что релятивизм каркасов не ложен, но противоречив. Суть его концепции сводится к тому, что релятивизм – неинтеллектуальная концепция, ибо она основывается не на оправданном разделении между концептуальными схемами и определённого рода несхематизированным содержанием. Легко показать, что такое половинчатое решение оставляет возможность сохранения эпистемического релятивизма, лишь переформулировав его.

«Улучшенные» аргументы против релятивизма каркасов должны иметь следующий вид: во-первых, релятивизм каркасов должен защищать себя не релятивистски, безотносительно (иначе он будет противоречивым); во-вторых, правильность релятивизма каркасов не может быть обоснована, так как в его рамках отброшено само понятие правильности. Очевидно, оба эти аргументы показывают противоречивость релятивизма.

Значительное влияние на всю «новую» (позитивистскую) философию науки, а значит, и на дебаты о релятивизме, оказала концепция Т. Куна. Предлагая свою версию относительно научного знания, Кун тем не менее отрицал обвинение его в релятивизме. Согласно Куну, научное изменение носит некумулятивный и непоследовательный характер. Новая парадигма включает в себя не только научные теории, но и критерии их оценки. В таком случае две соперничающие теории имеют несоизмеримые критерии оценки и, следовательно, выбор парадигмы становится иррациональным.

Причину возможности сведения доктрины Т. Куна к релятивизму и иррационализму критики увидели в отношении между несоизмеримостью и сравнимостью парадигм. Действительно, из несоизмеримости следует невозможность сравнения парадигм, а значит, релятивизм оценки парадигм относительно сформулированных в них критериев. В своих поздних работах Т. Кун неоднократно возвращался к этому отношению, но преодолеть затруднений так и не сумел.

Некоторые современные философы науки пытались защитить и развить концепцию Куна, обращаясь к проблемам объективности и рациональности. Так, Д. Мейланд попытался доказать, что Т. Кун имел в виду объективность парадигм, но его неправильно интерпретировали. Однако его аргументы, основывающиеся на требовании иметь общий независимый критерий оценки парадигм, оказываются непоследовательными.

Г. Доппельт, реконструируя Т. Куна, допускает ослабление понятия несоизмеримости, формулируя его относительно фактов, а не принципов, что приводит к признанию «логического контакта» между соперничающими парадигмами. Такая концепция оказывается противоречивой в силу несовместимости требования осмысленности и рациональности сравнения теорий с требованием наличия внешних стандартов.

Значительную роль в формировании обобщенного представления о «новой» философии науки сыграла концепция Г. Брауна. Обосновывая нейтральный тезис о фундаментальном сходстве между научным и философским методами, он переходит к концепции рациональности, развивая теорию относительности научного знания. Но, как и его предшественникам, ему не удается разрешить противоречия, возникающие в связи с требованием существования нейтральных стандартов оценки.

В противоположность Т. Куну и его последователям, С. Тулмин и Л. Лаудан трактовали научную рациональность в терминах «способности решать проблемы». Однако, несмотря на отрицание С. Тулмина и абсолютизма, и релятивизма, анализ показывает, что его подход к научному выбору в новых случаях абсолютистский, а в смутных – релятивистский. Стремление Л. Лаудана обосновать независимое от истинности понимание рациональности нерелятивистски также проваливается. Следовательно, и эта попытка преодолеть релятивизм в эпистемологии оказывается неудачной.

Несомненный интерес представляет необычная концепция Н. Гудмена, известная как «радикальный релятивизм». В этой доктрине можно выделить два типа релятивизма. Один из них, слабый, базируется на существовании нейтрального критерия истинности. При этом истина понимается как «вопрос соответствия с практикой». В этом случае аргументы против релятивизма действительно снимаются. Но дело в том, что существование нейтрального критерия истины признается только относительно метаверсии. Поэтому если возможны альтернативные метаверсии, то им будут соответствовать альтернативные оценки истинности. Следовательно, слабый релятивизм на метауровне сменяется сильным, для которого аргументы Сокрыта по-прежнему непреодолимы.

Итак, все попытки преодолеть недостатки релятивизма, оставаясь в русле этой доктрины, не увенчались успехом. Однако неприемлема и альтернатива в виде крайнего абсолютизма, утверждающего существование «абсолютного», единственного концептуального каркаса, в соответствии с которым оценивается всё остальное.

Социальные и культурные аспекты релятивизма

Участники исследования нередко определяют место релятивизма в спектре концептуально близких понятий. Это стремление заметно в статьях Г.Д. Левина, Е.Л. Чертковой, Е.О. Труфановой. В содержательной статье Е.Л. Чертковой «Скептицизм и релятивизм: отыскания истины к её отрицанию» подчеркивается нарастание психологических, социологических, культурно-исторических исследований познания. Автор оценивает попытки сблизить и даже отождествлять релятивизм и скептицизм. Резюмируя свой интересный анализ, Е.Л. Черткова пишет о соотношении скептицизма и релятивизма: «Общим для обеих позиций является их симптоматический характер, т.е. они указывают на имеющиеся трудности и препятствия, но в силу своих исходных посылок, при их применении к самим этим концепциям не могут быть последовательными и завершенными. Так, скептицизм возник на стадии формирования современной рациональности и знаменовал переход от мифологического сознания к теоретическому. Трудности и противоречия рождения рационализма стали той питательной почвой, на которой расцвёл античный скептицизм» [13, с. 135].

Е.О. Труфанова обращает внимание на релятивистские тенденции, возникшие в эпистемологии в связи с так называемым «социологическим поворотом», и критически анализирует феминистскую философию [14].

А.Н. Павленко различает релятивизм статический и динамический. С первым связывается такое познавательное направление, которое, однажды приняв некоторую совокупность конвенций (соглашений), затем рассматривает эту совокупность как общезначимую и неизменную внутри принявшего её сообщества на протяжении длительного периода. Согласно же динамическому релятивизму «конвенция» есть не результат, а «процесс» [15, с. 161].

Значительное приращение знаний содержит в себе статья Б.И. Пружинина «Новая социологическая волна в эпистемологии, или Неклассический позитивизм». Автор отмечает, что в современной науке идут процессы не менее драматичные, чем случившийся в Новое время поворот от опытной науки к экспериментальному математизированному естествознанию. Он пишет: «На мой взгляд, простое и радикальное отрицание методологической нормы равносильно отказу от стержневого, по сути, образующего параметра особого типа коллективной познавательной деятельности. Такое отрицание ведёт к размыванию как понятия науки, так и самого феномена науки (коль скоро подобный отказ принимается в качестве ориентира в познавательных практиках научных сообществ)» [16, с. 162-163].

Б.И. Пружинин показывает, что когнитивные способности являются антропологическим свойством человека. Вместе с тем наука представляет собой культурную и исторически уникальную фор-

му именно коллективного применения этих способностей. Автор не исключает в этом контексте возможность исчезновения науки как культурного феномена [16]. Наука на самом деле переживает сегодня радикальные, затрагивающие самые основания познания, перемены. Эта проблема имеет фундаментальный философский смысл также и для самой науки, для самосознания учёных.

Серьёзный теоретический материал содержится в статье Н.М. Смирновой «Концептуальные проекции релятивизма: когнитивный анализ». Она размышляет: «Оправданы ли сегодня какие-либо формы когнитивного релятивизма? Или же закат постмодернистской парадигмы с её апологией равноправия любых когнитивных систем, лишаящий теоретика познания «трансцендентального идеала» для сравнения их эпистемических достоинств, навсегда лишил его философской притягательности? Вопрос дискуссионный. И если в отечественной литературе в целом превалирует реалистическая установка, заряженная интеллектуальным критицизмом в отношении релятивизма, то в зарубежной, в частности, англоязычной, литературе можно наблюдать удивительное многообразие мнений по этому поводу» [17, с. 62].

На мой взгляд, заслуживают высокой оценки и другие статьи в сборнике – Д.В. Иванова [18], А.М. Анисова [19], С.А. Павлова [20], Н.Т. Абрамовой [21].

В целом данная книга – результат глубокой и разносторонней работы при освоении важной темы современной философии. Коллективу во главе с академиком В.А. Лекторским удалось вскрыть самые глубинные истоки и основания современного релятивизма.

Список литературы:

1. Грицанов А.А. Нарратив // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 327-329.
2. Клинова Д.А. Дискурсивное пространство информационного общества и социальная легитимация: Автореф. дис. ... канд. филос. н. М., 2015.
3. Пилюгина М.А. Пересечение интерпретации и когнитивных способностей // Психология и психотехника. 2015. № 1(76). С. 33-42.
4. Энафф Марсель. Дар философов. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2015. 319 с.
5. Мамчур Е.А. Моделирование развития культуры и релятивизм // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 201-227.
6. Дубровский Д.И. Относительное и абсолютное. К проблеме концептуального осмысления релятивизма // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 41-60.
7. Левин Г.Д. Абсолютизм и релятивизм // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 76-103.
8. Автономова Н.С. От языковых экспериментов к анализу априорных ситуаций (о так называемом «постмодернистском релятивизме» в концепции Жака Деррида) // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 265-298.

9. Нийнлуото И. Критические замечания о когнитивном релятивизме // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 32-40.
10. Лекторский В.А. Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 5-31.
11. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1056 с.
12. Соловьёв Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 434 с.
13. Черткова Е.Л. Скептицизм и релятивизм: от искания истины к её отрицанию // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 104-136.
14. Труфанова Е.О. Политическое vs эпистемологическое: релятивизм в социальном конструкционизме и феминистской философии // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 228-264.
15. Павленко А.Н. Релятивизм статический и динамический // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 137-161.
16. Пружинин Б.И. Новая социологическая волна в эпистемологии, или Неклассический позитивизм // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 162-188.
17. Смирнова Н.М. Концептуальные проекции релятивизма: когнитивный анализ // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 61-75.
18. Иванов Д.В. Релятивизм в контексте критики метафизики // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 189-200.
19. Анисов А.М. Релятивизм с логической точки зрения // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 299-336.
20. Павлов С.А. О концепции логико-семантического монизма // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 337-355.
21. Абрамова Н.Т. Логико-методологический анализ феномена «релятивизм». Истоки и пути экстенсивного развития // Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 356-389.
22. Зинченко Вл., Пружинин Б., Щедрина Т. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.
23. Лекторский В.А. Философия. Познание. Культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
24. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 400 с.
25. Микешина Людмила. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН, 2010. 575 с.
26. Пружинин Б.И. «Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с.
27. Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной. М.: РОССПЭН, 2010. 664 с.
28. Шпет Г.Г. Философия и наука: лекционные курсы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. 496 с.

References (transliteration):

1. Gritsanov A.A. Narrativ // Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm. Minsk: Sovremenniy literator, 2007. S. 327-329.
2. Klinkova D.A. Diskursivnoe prostranstvo informatsionnogo obshchestva i sotsial'naya legitimatsiya: Avtoref. dis. ... kand. filos. n. M., 2015.
3. Pilyugina M.A. Peresechenie interpretatsii i kognitivnykh sposobnostei // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 1(76). S. 33-42.
4. Enaff Marsel'. Dar filosofov. M.: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2015. 319 s.
5. Mamchur E.A. Modelirovanie razvitiya kul'tury i relyativizm // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 201-227.
6. Dubrovskii D.I. Otnositel'noe i absolutnoe. K probleme kontseptual'nogo osmysleniya relyativizma // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 41-60.
7. Levin G.D. Absolyutizm i relyativizm // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 76-103.
8. Avtonomova N.S. Ot yazykovykh eksperimentov k analizu apriornykh situatsii (o tak nazyvaemom «postmodernistskom relyativizme» v kontseptsii Zhaka Derrida) // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 265-298.
9. Niiniluoto I. Kriticheskie zamechaniya o kognitivnom relyativizme // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 32-40.
10. Lektorskiy V.A. Relyativizm i plyuralizm v sovremennoi kul'ture // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 5-31.
11. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya. M.: Praktika, 1997. 1056 s.
12. Solov'ev E.Yu. Kategoricheskii imperativ nrvstvennosti i prava. M.: Progress-Traditsiya, 2005. 434 s.

13. Chertkova E.L. Skeptitsizm i relyativizm: ot iskaniya istiny k ee otritsaniyu // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 104-136.
14. Trufanova E.O. Politicheskoe vs epistemologicheskoe: relyativizm v sotsial'nom konstruksionizme i feministskoi filosofii // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 228-264.
15. Pavlenko A.N. Relyativizm staticheskii i dinamicheskii // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 137-161.
16. Pruzhinin B.I. Novaya sotsiologicheskaya volna v epistemologii, ili Neklassicheskii pozitivizm // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 162-188.
17. Smirnova N.M. Kontseptual'nye proektsii relyativizma: kognitivnyi analiz // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 61-75.
18. Ivanov D.V. Relyativizm v kontekste kritiki metafiziki // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 189-200.
19. Anisov A.M. Relyativizm s logicheskoi tochki zreniya // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 299-336.
20. Pavlov S.A. O kontseptsii logiko-semanticheskogo monizma // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 337-355.
21. Abramova N.T. Logiko-metodologicheskii analiz fenomena «relyativizm». Istoki i puti ekstensivnogo razvitiya // Relyativizm kak bolezni' sovremennoi filosofii / Otv. red. V.A. Lektorskii. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 356-389.
22. Zinchenko V.I., Pruzhinin B., Shchedrina T. Istoki kul'turno-istoricheskoi psikhologii: filosofsko-gumanitarnyi kontekst. M.: ROSSPEN, 2010. 415 s.
23. Lektorskii V.A. Filosofiya. Poznanie. Kul'tura. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 384 s.
24. Mamchur E.A. Obrazy nauki v sovremennoi kul'ture. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2008. 400 s.
25. Mikeshina Lyudmila. Dialog kognitivnykh praktik. Iz istorii epistemologii i filosofii nauki. M.: ROSSPEN, 2010. 575 s.
26. Pruzhinin B.I. «Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoi epistemologii. M.: ROSSPEN, 2009. 423 s.
27. Filosofiya poznaniya. K yubileyu Lyudmily Aleksandrovny Mikeshinoi. M.: ROSSPEN, 2010. 664 s.
28. Shpet G.G. Filosofiya i nauka: lektсионnye kursy / Otv. red.-sost. T.G. Shchedrina. M.: ROSSPEN, 2010. 496 s.